

□□ shūtú шу́ту — разные пути (дороги); [идти] разными дорогами.

Идиома: □□□□ shūtú tóngguī шу́ту тунгу́й «разными дорогами к одной цели» — к одной цели можно прийти разными дорогами; вместе идти к одному, но разными дорогами.

Глава 1. Этот достопочтенный[1] умер

[1] □□ bènzuò бэньцзо «этот/Я/основа/корень/начало трона/высокого места/сидения/созвездия» — этот достопочтенный/почтенный государь («мое превосходительство»/«мое величество»). В древнем Китае было принято, чтобы правители говорили о себе в третьем лице.

В то время, когда Мо Жань еще не стал императором, люди часто обзывали его собакой. Жители деревни называли мелкой шавкой, а двоюродный брат — дворняжкой. Но самой безжалостной была мамка, что кличила его не иначе, как «сукин сын».

Конечно, некоторые собачьи черты даже играли ему на руку. Взять к примеру его многочисленные интрижки. Когда дело касалось плотских утех, Мо Жань вел себя как похотливый кобель, и часто похвала его неутомимости в постели больше походила на брань. Он как никто мог ласковыми словами вынуть из человека душу и одновременно с этим своим неутомимым оружием выбить дух из тела[2]. Однако стоило ему покинуть приютившую его постель, как этот бродячий пес тут же бежал хвастаться своим достоинством перед кем-то еще. Во всех окрестных борделях было известно, что ненасытный в постели Мо Вэйюй, обладая выдающимся во всех отношениях инструментом, был способен доставить своим любовникам невообразимое удовольствие, вытрахав из них всю душу и лишив всех жизненных сил. Так что можно сказать, люди были не совсем уж не правы, когда говорили, что Мо Жань и правда похож на виляющего хвостом[3] глупого пса.

[2] □□□□ shēnxià xīngqì шэнься сюнцзи «смертельное оружие ниже пояса» — большой мужской половой орган. От переводчиков: автор сразу дает понять, что член Мо Жаня уже в отрочестве был сюнцзи (орудие убийства).

[3] □□□□ yáotóu bǎiwěi яотоу байвэй «кивать головой и вилять хвостом» — не находить себе места от радости и самодовольства; подлизываться, канючить, заискивать. От переводчиков: в китайской культуре сравнение с собакой — это не комплимент.

Только когда он стал императором мира совершенствования, это прозвище исчезло, словно и не было его.

Однажды из маленькой школы, расположенной на дальних рубежах его империи, ему прислали в дар маленького щенка. Этот забавный пес, который своим пепельно-серым окрасом напоминал волка, имел на лбу приметную метку в виде трех сплетенных языков пламени, однако во всем остальном был самым обычным: круглым, как арбуз, и таким глупым, что казалось, у него вместо головы тыква. Возомнив себя важной персоной, этот меховой шар сломя голову влетел в тронный зал и попытался вскарабкаться по огромной лестнице наверх, чтобы разглядеть сидящего на самой вершине человека. Но его пухлые маленькие лапы были слишком короткими, поэтому все попытки щенка взобраться по лестнице заканчивались неудачей.

Мо Жань долго наблюдал за бесплодными усилиями этого упрямого комка шерсти, а потом вдруг рассмеялся и тихо сказал: «Сукин ты сын».

Маленький щенок вскоре вырос в большую собаку, затем состарился и в конечном итоге издох.

Мо Жань не успел и глазом моргнуть, а тридцать два года его жизни, наполненные взлетами и падениями, славой и позором, страстями и блудом, пролетели как один миг.

Он понял, что пресытился и устал от жизни, ему было скучно и одиноко. С каждым годом рядом с ним оставалось все меньше знакомых лиц, и пришло время, когда даже Тройное Пламя[4] закончил свою собачью жизнь и отправился на небеса. В тот день Мо Жань решил, что пора и ему подвести итог.

[4] 三昧火 liánsānbǎhuǒ лянсаньбахо — «несущий тройное пламя».

Император неторопливо отщипывал от лежащей на блюде виноградной грозди по ягодке и неспешно снимал мягкую фиолетовую кожицу с каждой виноградинки. Он обнажал сочную мякоть такими же выверенными и ловкими движениями, какими изнывающие от скуки и лени князья древности сдергивали одежды со своих многочисленных наложниц.

Полупрозрачная изумрудно-зеленая мякоть слабо подрагивала на кончиках его пальцев, истекая сладким соком, цвет которого рождал воспоминания о крыльях диких гусей в лучах закатного солнца и увядающих цветах яблони по весне.

Пожалуй, этот сок был похож на засыхающую кровь, такую же липкую и грязную.

Проглотив порядком поднадоевшую сладость, Мо Жань принялся внимательно изучать свои пальцы из-под томно полуприкрытых век.

В этот момент он решил, что его время пришло.

Ему тоже пора отправляться в Ад.

Мо Жань, в отрочестве нареченный Вэйюем[5]. Первый правитель мира совершенствования.

[5] 名 zì цзы «второе имя», в отличие от 名 míng мин «первого имени», что дается три месяца спустя после рождения, присваивается по достижении совершеннолетия/брачного возраста (15-20 лет):

墨 mò — чернила/тушь; сажа; грязь; черный, мрачный, порочный; 烟 yāн — жечь, поджигать, пепел; 雨 yǔ вэйюй — морозящий дождь; 魔 mó мо имеет произношение схожее с 魔 mó мо — злой дух, демон.

墨 Rán Мо Жань «сжигая грязь/порок/мрак», «черный пепел», «горящие чернила».

墨 Wēiyǔ Мо Вэйюй «грязный/черный/непроглядный морозящий дождь».

Достичь такого положения и усидеть на троне было задачей не из легких. Тут нужно было не только быть непревзойденным заклинателем, но и наглецом, полностью игнорирующим мнение и желания других людей.

В прежние времена десять самых влиятельных духовных школ постоянно боролись за влияние, однако в целом в мире сохранялось равновесие, так как ни один из этих кланов не обладал достаточной силой, чтобы утвердиться как безусловный лидер. Кроме того, господа,

руководившие этими школами, были образованными людьми, с детства блистающими выдающимися талантами. Может, глубоко в душе они и сами были не прочь получить титул правителя, однако ничего не предпринимали, опасаясь кисти летописца, которая могла одним росчерком на века покрыть их имя позором.

Вот только Мо Жань был другим.

На самом деле он всегда был босяком и негодяем.

Поэтому все, на что не осмеливались другие, он делал без сожалений и стыда. Пить самые лучшие вина, жениться на самой красивой женщине, подмять под себя все духовные школы, присвоив самому себе имя «Наступающий на бессмертных Государь[6]», а потом и вовсе провозгласить себя императором мира людей.

[6] 天監 Tàxiān Jūn Тасянь-Цзюнь «государь, наступающий на бессмертных».

Дословно 天 jūn цзюнь — это не император, а государь, правитель, владетельный князь (самый влиятельный среди других князей /глав школ); титул «император» Мо Вэйюй взял уже после того, как получил «царственное» имя.

Все преклонили колени и пали ниц перед ним.

А тех, кто не пожелал склониться, он безжалостно уничтожил. В годы его правления в мире совершенствования кровь лилась рекой, людской печали и скорби не было конца. Не счесть убитых им в то время благородных людей и борцов за справедливость, ведь даже самая прославленная из десяти великих духовных школ — Духовная школа Жуфэн[7] — была практически полностью истреблена.

[7] 儒風 閔 顧 fēng mén жуфэн мэнь — Духовная школа «Нравы ученых людей».

Впоследствии даже наставник, давший ему образование, не смог избежать лап чудовища, в которое превратился Мо Жань. После того, как он потерпел поражение в схватке с Мо Вэйюем, учитель был заточен некогда самым любимым учеником где-то в глубинах его дворца, и с тех пор судьба и местонахождение этого человека оставались тайной.

Земли смертного мира затянуло дымом и смрадом.

Собачий Император[8] Мо Жань не читал святые писания, не признавал никаких ограничений и плевать хотел на правила и устои, поэтому весь период его царствования был ознаменован самыми абсурдными событиями[9]. Взять хотя бы выбранные им для своего царствования девизы[10].

[8] Здесь Мо Жаня уже называют не государем (цзюнем), а императором 皇帝 [huángdì хуанди], хотя и собачьим.

[9] В древнем Китае люди верили, что император — это божественный наместник на земле. Если император не следует воле Небес и ведет неправедную жизнь, на подвластные ему земли обрушатся бедствия: засухи, наводнения, пожары и т.д.

[10] 臨 訥 liánhào няньхао — девиз правления. Восходя на престол, император принимал девиз (обычно из двух иероглифов), обозначающий некоторый благой принцип, которому он будет следовать. Девиз использовался как средство летосчисления; год вступления монарха на престол считается первым годом эры, название которой совпадало с девизом.

Так, он решил, что первые три года его царствования пройдут под девизом «Ван Ба[11]», который пришел ему в голову во время кормления рыбок в пруду.

[11] 王八 wángba «ванба» и «ван ба» при одном звучании имеют разное значение: «ванба» — черепаха, убудок, сутенер; отправлять на тот свет; но по отдельности: «ван» — «царствование», а «ба» — «восемь», т.е. «ван ба» можно перевести, как «царствование восьмерки». «Восемь» читается как 'ба' с приглушенным звуком 'б' и очень похоже по звучанию на слово «богатство» (читается как 'фа'), поэтому цифра 8 в китайской культуре ассоциируется с процветанием и богатством.

Китайский язык — это тоновый язык, и поэтому два для нас практически одинаково звучащие слова для китайца читаются и пишутся по-разному. Кому интересно, вбейте в поисковик «тоны китайского языка».

Второй трехлетний срок он именовал «Гуа[12]», когда как-то летним погожим днем услышал кваканье лягушек во дворе и решил, что это не иначе как божье провидение, которое он не имеет права игнорировать.

[12] 固 gù гуа — звукоподражание кваканью; созвучных слов очень много, но по логике «ванба» в этот раз он имел в виду 固 gù — стойкий, не подверженный влиянию времени, долговечный.

После этого люди образованные решили, что ничего ужаснее, чем «Ванба» и «Гуа», уже не придумать, но, как оказалось, они просто плохо знали Мо Вэйюя.

Когда начался третий срок правления Мо Вэйюя, в мире стало беспокойно. От тирании Наступающего на бессмертных Императора страдали все праведные люди, будь то заклинатели, даосы или последователи учения Будды, и теперь все чаще в его империи вспыхивали восстания.

Поэтому в этот раз Мо Жань очень серьезно подошел к вопросу выбора нового девиза для правления. Он думал целую вечность, перебрал бесчисленное количество вариантов и в результате все же придумал девиз, потрясший небо и землю — «Цзиба[13]».

[13] 止罢 jǐ bà цзиба «прекратите раздражать», где «цзи» — алебарда, тыкать, раздражать, а «ба» — прекратить, закончить.

Однако сленговое значение «цзиба» — член/пенис/хуй, т.е. Мо Жань просто пригрозил всем своим впечатляющим «сюнци».

В целом заложенный в девиз призыв «прекратить беспорядки» был бы неплох, если бы его звучание не было таким смущающим.

Особенно сконфуженным оказался простой народ, который не знал грамоты и мог ориентироваться только на слух...

Допустим, первый год правления назывался однолетний Цзиба, второй — двухлетний Цзиба, а третий год — трехлетний Цзиба[14]... Что за хуйня круглый год?!

[14] Название годов эпохи Цзиба звучит как исчисление возраста какого-то члена/хера.

Также помимо скабрезного «цзиба»-«члена» использован иероглиф 粘 nián нянь «год», который имеет такое же звучание, как 粘 nián нянь — клеиться, липнуть, помогаться.

Были те, кто за закрытыми дверями бранил императора на чем свет стоит: «Скажу прямо, это полный абсурд! Как можно было выбрать такое сочетание для названия эпохи? Чтобы узнать у мужчины его возраст, приходится спрашивать, насколько стар его хер! Теперь столетний старец сразу же может кричать, что он Хер Века!»

С трудом пережив «Цзиба», люди в ужасе ожидали, какой же девиз император придумает для своего четвертого трехлетнего срока царствования. Однако на сей раз у Мо Жэня не было времени и желания придумывать новое название, потому что в первый год четвертой эпохи его правления медленно зреющее недовольство в массах вылилось в полноценный бунт. Годами терпевшие несправедливость совершенствующихся всех кланов наконец заключили союз и, объединившись в огромную армию, выступили в поход, надеясь вынудить Мо Вэйю отречься от престола.

Миру совершенствования не нужен был император.

В особенности такой тиран.

После нескольких месяцев кровопролитного похода повстанческая армия наконец достигла Пика Сышэн и остановилась у подножья горы. Резиденция императора была построена на вершине Шучжун[15], самой высокой и неприступной горе, круглый год скрытой за облаками и туманами.

[15] 唯一 shùzhōng шучжун — «единственная сердцевина».

Стрела была уже на тетиве, и оставалось только одним выстрелом сбить тирана с трона. Но решающая атака могла привести к большим потерям, а кто мог сказать, как поведут себя бывшие союзники, когда исчезнет объединивший их общий враг. У каждого были свои идеи по поводу нового устройства мира, поэтому каждый клан старался сберечь своих людей и ресурсы, которые еще пригодятся, когда придет время делить власть. По этой причине никто не хотел брать на себя ответственность и вставать во главе армии, чтобы начать штурм горы.

Кроме того, люди боялись, что в последний момент коварный тиран обрушится на их головы и, обнажив свои внушающие страх белые клыки, оторвет головы и выпотрошит тела тех, кто посмел покушаться на его положение.

Во время обсуждения дальнейшего плана действий кто-то из глав восстания, пряча глаза, сказал:

— Способности Мо Вэйю впечатляют, он жесток и коварен. Нам следует быть осторожными и не идти у него на поводу, атакуя эту гору.

Предводители повстанческой армии согласно закивали.

Но тут вперед вышел молодой мужчина, лицо которого можно было назвать красивым, но слишком уж надменным. Он носил серебряные латы поверх синих одежд, на пояском ремне красовалась пряжка в виде головы льва, длинные волосы были собраны в высокий хвост изысканной серебряной заколкой.

С искаженным неконтролируемой яростью лицом он вклинился в разговор:

— Мы все наконец-то добрались до этой горы, а теперь вы стоите тут и нудите, что боитесь подниматься? Ждете, пока Мо Вэйю сам спустится к вам? Вот уж действительно, собралась толпа трусливых отбросов!

Стоило ему произнести эти слова, как толпа вокруг него взорвалась возмущенными криками:

— Господин Сюэ, не стоит быть таким категоричным! Зачем сразу обвинять людей в трусости? Всем известно: если на войне стремишься к победе — проявляй осторожность. Если сейчас мы пойдем напролом и у нас ничего не выйдет, кто возьмет на себя ответственность за случившееся?

Тут же кто-то из толпы язвительно подхватил:

— Хе-хе, господин Сюэ — Любимец Небес, а мы люди простые. Раз уж родившийся под счастливой звездой герой не может ждать и так желает поскорее скрестить оружие с императором, то пусть первым поднимется на гору. А мы накроем столы у подножия, чтобы приветствовать его, когда он спустится с головой Мо Вэйюя в руках. Думаю, отличная идея!

Собравшиеся встретили это предложение одобрительным гулом. Только старый буддийский монах выступил вперед, преграждая путь мужчине, собравшемуся в одиночку подняться на гору. Со смиренным выражением на несущем печать благородства лице он попытался умерить его прыть:

— Господин Сюэ, прошу, выслушайте меня. Все знают о вашей личной вражде с Мо Вэйюем. Однако сейчас куда важнее добиться добровольного отречения императора от престола. Ради всех нас вы не должны действовать так импульсивно!

Находящегося сейчас в центре внимания «господина Сюэ» на самом деле звали Сюэ Мэн[16]. Десять лет назад, во времена юности, за выдающийся врожденный талант люди превозносили и восхваляли его, называя Любимцем Небес. Однако те времена давно миновали. Жизнь спустила его с небес на землю, и дошло до того, что люди просто высмеивали его за желание подняться на гору и снова встретиться с Мо Жанем.

[16] 卍 Xuē Méng Сюэ Мэн: «незрелая полынь», где «сюэ» — полынь, а «мэн» — невежественный/юный/скрытый тьмой.

Лицо Сюэ Мэна исказила злая гримаса, губы затряслись, но, взяв себя в руки, он все же спросил:

— Тогда, в конце концов, сколько еще вы все собираетесь ждать?

— По крайней мере до тех пор, пока не сможем трезво оценить ситуацию.

— Правильно, а вдруг Мо Вэйюй подготовил ловушку для нас?

В надежде сгладить острые углы монах попытался примирить стороны:

— Благодетель Сюэ, не надо спешить. Мы уже добрались до подножья, и теперь стоит проявить осторожность. В любом случае Дворец императора уже в осаде и ему некуда деваться с этой горы. Теперь он стрела на излете и вряд ли сможет выкрутиться. Так стоит ли поступать опрометчиво и бросаться в бой, не проработав стратегию, только ради того, чтобы сделать все быстрее? Сегодня здесь собралось так много представителей знатных и могущественных фамилий, и даже случайная ошибка может погубить их всех. И кто тогда за это ответит?

Сюэ Мэн вдруг вспылал:

— Кто ответит? В таком случае я тоже спрошу у всех вас: а кто ответит за жизнь моего

наставника? Мо Жань держит моего учителя в заточении уже десять лет! Целых десять лет! Прямо сейчас учитель заключен на той горе, а вы предлагаете мне подождать?□

Когда Сюэ Мэн упомянул своего наставника, многие люди в толпе опустили головы, кто-то даже покраснел от стыда, некоторые вертели головой и прятали взгляд, бормоча оправдания себе под нос.

— Десять лет назад, когда Мо Жань назвался Тасянь-Цзюнем, он уничтожил всю Духовную школу Жуфэн и сровнял с землей все семьдесят два их города. Позже, провозгласив себя императором, он вознамерился уничтожить и остальные девять духовных школ. В конце концов, кто тогда дважды смог остановить его? Если бы мой учитель не поставил на кон свою жизнь, чтобы спасти вас, были бы вы все сейчас живы? Могли бы как ни в чем не бывало стоять тут и говорить со мной?

В воцарившейся после этих слов тишине кто-то тихо кашлянул и сказал:

— Не гневайтесь так, господин Сюэ. То, что случилось тогда с образцовым наставником[17] Чу... нам всем очень совестно вспоминать о том деле, и мы, несомненно, благодарны ему. Однако вы сами сказали, что он находится в заточении уже десять лет. И если уж он многие годы ждет освобождения... задержка в пару дней уже роли не играет, не правда ли?

[17] □□ zōngshī цзунши — основоположник [учения]; образцовый/уважаемый наставник/мастер; высокий авторитет; гуру.

— Не правда ли? Еб твою мать, да пошел ты со своей правдой!

Оскорбленный миротворец в шоке уставился на него:

— Почему вы ругаетесь?

— Почему я ругаюсь? Учитель пожертвовал своей жизнью, чтобы спасти жизни людей, подобных вам... таких... таких... — на какое-то время у него перехватило горло. — Такие, как вы, этого не заслуживают.

После этих слов Сюэ Мэн быстро отвернулся и его плечи мелко затряслись от с трудом сдерживаемых рыданий.

— Мы же не отказываемся спасти образцового наставника Чу...

— Так и есть! Да! Конечно! Мы все помним о великодушии образцового наставника Чу. Мы не забыли, господин Сюэ! Напрасно вы оскорбляете нас, обвиняя в черной неблагодарности.

— Но, если посмотреть с другой стороны, разве Мо Жань не ученик образцового наставника Чу? — сказал кто-то почти шепотом. — Если ученик творит зло, разве его учитель также не должен нести ответственность за его проступки? Ведь не зря говорят, что учитель для ученика что второй отец, поэтому за пробелы в воспитании ребенка стоит винить того, кто не проявил должную строгость при его обучении. Так что прежде, чем обсуждать это дело и пенять нам, нужно еще разобраться, в чем корень всех бед.

Это звучало слишком жестоко, и тут же со всех сторон на говорившего посыпались упреки:

— Что за бред ты несешь! Следи за своим языком!

Доброжелательный монах между тем снова повернулся к Сюэ Мэну:

— Благодетель Сюэ, не принимайте близко к сердцу...

Сюэ Мэн тут же прервал его. Сверкая полными злости глазами, он отрезал:

— Как я могу не принимать это близко к сердцу? Вы здесь просто стоите и говорите гадости об Учителе! Моем Учителе! Я столько лет его не видел! Даже не знаю, жив ли он, в каких условиях провел все эти годы! Думаете, что я просто буду стоять тут и вести с вами пустые разговоры? Разве для этого я сюда пришел?! — У него то и дело перехватывало дыхание, а глаза налились кровью. — Неужели вы и правда ждете, что Мо Вэйюй сам спустится к вам и на коленях будет молить о пощаде?

— Благодетель Сюэ...

— В этом мире, кроме Учителя, у меня не осталось близких людей. — Сюэ Мэн резко освободил край своего одеяния, за который его пытался удержать старый монах, и, отвернувшись, хрипло сказал: — Можете не ходить, я сам пойду.

Бросив через плечо эту фразу, он обнажил меч и начал подъем на вершину горы.

Завывания холодного пронизывающего ветра были похожи на стенания тысяч покойников. Под покровом густого тумана как будто скрывались блуждающие среди деревьев демоны и неуспокоенные души, которые что-то нашептывали и тяжело вздыхали.

Наконец Сюэ Мэн добрался до вершины и перед ним в ночи предстал последний оплот Мо Жаня. Огромный и величественный дворец выглядел мирно и спокойно, освещенный сиянием множества фонарей□.

Недалеко от императорского дворца находилась Пагода Тунтянь, под которой Сюэ Мэн заметил три могильных холма. Подойдя ближе, он увидел, что одна из могил уже поросла травой. На надгробном камне криво, словно собачьим когтем, было нацарапано: «Добродетельная драгоценная вторая супруга[18], могила придворной дамы[19] Чу». А рядом красовалась надпись «Сваренная на пару без приправ[20] императрица».

[18] 貴妃 guìfēi гуйфэй — «драгоценная почтенная подруга/жена» государева супруга второго класса/наложница первого класса; вторая жена императора.

[19] 妃 jī цзи — придворная дама; знатная женщина; любовница, наложница.

[20] 清蒸羹 huángzhēng хуанчжэн хуанхоу «сваренная на пару без приправ [соевого соуса] императрица». 清蒸 qīng zhēng цинжэнь «добродетельная супруга».

Если читать не «двойками», а каждый символ по отдельности, то [清 qīng цин] — чистый сердцем/высоконравственный или омофон [清 qīng цин] — сановник, вельможа; дорогой, любимый (фамильярное обращение между мужем и женой). Вторым иероглифом [蒸 zhēng чжэн], — можно предположить, что Мо Жань в очередной раз неправильно записал слово [蒸 zhēng чжэн] — справедливый/принципиальный/честный, поэтому вместо «чистая сердцем и справедливая императрица» вышло «сваренная на пару императрица». Не исключено, конечно, что данная ошибка, как и в случае с названием эпох, могла быть допущена Мо Жанем специально и стала своего рода мстью Учителю за «науку».

Напротив возвышался второй, совсем свежий, могильный холм. На надгробной плите было

написано: «Могила зажаренной в масле императрицы[21], урожденной Сун».

[21] 胡后 huánghòu хуанхоу — императрица, первая супруга императора.

胡后油爆 huóbào huánghòu юбао хуанхоу — «зажаренная в масле императрица».

Следуя логике каламбуров Мо Жаня, разделяем первые два иероглифа и меняем второй на созвучный (как в «жаренной на пару») и получаем «понесшая ответственность за свои интриги императрица». 胡 [hóu ю] — изворотливый, скользкий, интриган, а 后 [hòu бао] созвучно с 包 [bāo бао] — взять на себя полностью вину, нести полную ответственность.

— ...

Если бы он столкнулся с подобной дурной шуткой десять лет назад, это абсурдное зрелище заставило бы Сюэ Мэна расхохотаться.

В то время они с Мо Жанем были учениками одного наставника и этот парень славился своими розыгрышами. Несмотря на то, что Сюэ Мэн терпеть его не мог и часто сам становился объектом его шуток, иногда Мо Жаню удавалось рассмешить даже его.

Вот и сейчас... эта варенная на пару наложница и жаренная в масле императрица... о чем это он? Какого черта? Должно быть, Мо Жань со своим «выдающимся» образованием и «литературным талантом» сам сочинил надписи на надгробиях своих жен в том же незабываемом стиле, что был использован при именовании эр «Ванба», «Гуа» и «Цзиба». Хотя чем он руководствовался, дав своим императрицам подобные посмертные имена, все равно было непонятно.

Сюэ Мэн перевел взгляд на третью могилу.

В темноте ночи ему удалось рассмотреть, что это просто вырытая яма, внутрь которой помещен открытый гроб. На надгробной плите, установленной рядом с могилой, ничего написано не было. Прямо в гробу стоял кувшин вина «Белые цветы груши», чашка с пельменями в остром красном бульоне[22] и пиалы с острыми закусками... Да это же любимая еда этого подлеца!

[22] 红油龙 hóngyóulóng хунъюлун «красное масло дракона», или «рука дракона» — пельмени-«ушки» в очень остром бульоне, основной ингредиент которого — острый перец.

Шокированный Сюэ Мэн замер от посетившей его сумасшедшей мысли. Неужели Мо Вэйюй не собирался сражаться с ним, заранее вырыл себе могилу и теперь просто ждет смерти?

Его прошиб холодный пот.

Невозможно.

Мо Жань никогда не сдавался и не знал усталости. Учитывая его характер, он должен был сражаться с повстанцами до конца. Так почему же теперь...

Последние десять лет Мо Жань находился в зените славы, на вершине власти и могущества. Что могло так повлиять на него, чтобы он совсем потерял волю к жизни?

Сюэ Мэн не мог понять, поэтому развернулся спиной к непроглядной темноте ночи и широкими шагами направился к ярко освещенному Дворцу Ушань[23].

[23] 雾山 wūshān ушань «горная колдунья» — место с беседкой, где князь Чу пережил во сне роман с феей горы Ушань, превращавшейся утром в облако, вечером — в дождь; обр. в знач.: место встречи любовников; любовное свидание.

Тем временем в тронном зале Дворца Ушань Мо Жань устало закрыл глаза. Лицо его было безжизненно-серым.

Догадка Сюэ Мэна оказалась верна: он на самом деле потерял желание жить и ту пустую могилу он выкопал для себя. За два часа до этого при помощи магии Мо Жань переместил всех слуг с горы, а сам принял яд. Из-за высокого уровня его совершенствования яд действовал на него намного медленнее, чем на обычного человека. Мучительно долго растекаясь по его телу, отравляя постепенно проникала в каждый орган, разъедая внутренности и причиняя невыносимые страдания.

Со скрипом открылись двери.

У Мо Жаня уже не было сил, чтобы поднять голову, он мог лишь хрипло сказать:

— Сюэ Мэн, ты все-таки пришел?

Отражаясь в золотых плитах пола огромного зала, перед ним в самом деле стоял Сюэ Мэн. Собранные в хвост волосы чуть растрепались, легкие доспехи мерцали в свете свечей.

Ученики одного учителя снова встретились. Внешне Мо Жань не выказал никаких чувств. Он откинулся на сидении и, подперев щеку рукой, скрыл выражение глаз за завесой густых ресниц.

Часто люди описывали этого человека как отвратительного, ужасного демона с трех головами и шестью руками. Однако от рождения Мо Жань был очень хорош собой. Высокая переносица с плавным изгибом, чувственные губы, приятные черты лица. Обладая природным магнетизмом, он с детства умел притягивать взгляды людей, легко располагая их к себе и втираясь в доверие.

Сюэ Мэну хватило одного взгляда на его лицо, чтобы понять: Мо Жань уже принял яд. В этот момент сам он не мог разобрать, что за чувства всколыхнулись в его груди. Еще сильнее сжав руку в кулак, Сюэ задал единственный вопрос:

— Где Учитель?

— Что?

Сюэ Мэн гневно зарычал:

— Я спросил тебя об Учителе! Твой, мой, наш учитель — где он?!

— А-а! — Мо Жань тихо хмыкнул. Наконец он медленно открыл свои угольно-черные глаза с фиолетовыми искорками в глубине зрачков. Казалось, прошли годы, прежде чем его взгляд сфокусировался на Сюэ Мэне.

— Если подумать, ведь с той твоей короткой встречи с Учителем у Дворца Тасюэ в горах Куньлунь прошло уже два года. — Мо Жань чуть заметно улыбнулся. — Сюэ Мэн, ты скучал по нему?

— Хватит болтать! Верни его мне!

Мо Жань спокойно встретил его яростный взгляд. Терпеливо снося пульсирующую боль в желудке, он язвительно ухмыльнулся и откинулся на спинку трона. Дурнота накатывала волнами вместе с ощущением, что его внутренности под воздействием яда превращаются в зловонное, кровавое месиво.

Подчеркнуто лениво растягивая слова, он ответил:

— Вернуть тебе? Что за бред! Пораскинь мозгами! Если я так сильно ненавижу Учителя, то разве мог позволить ему жить в этом мире?

— Ты!.. — Все краски в одно мгновение исчезли и с лица Сюэ Мэна. Широко открыв глаза, он попятился назад. — Невозможно... ты не мог... не мог...

— Не мог что? — усмехался Мо Жань. — Просветишь меня, с чего вдруг я не мог сделать это?

Голос Сюэ Мэна то и дело срывался и дрожал:

— Но, в конце концов, он же твой... ведь он твой наставник... Как можно было опуститься до такого?! — Запрокинув голову, Сюэ Мэн посмотрел на сидящего на троне Мо Жаня.

Небесами правит император Фуси, в подземном царстве — владыка Ада Яньло, в мире людей царствует Мо Вэйюй. Но для Сюэ Мэна Мо Жань, даже получив титул императора, совсем не изменился, и его отношение к нему осталось тем же.

Все тело Сюэ Мэна трясло от сдерживаемых рыданий, но злые слезы все равно катились по его щекам:

— Мо Вэйюй, ты все еще человек? Он же когда-то...

Мо Жань равнодушно посмотрел на него:

— Когда-то он что?

С дрожью в голосе Сюэ Мэн продолжил:

— Как он относился к тебе когда-то, кому, как не тебе, это знать...

На губах Мо Жаня появилась язвительная ухмылка:

— Должно быть, ты хочешь напомнить мне, как он не раз спускал с меня шкуру, прилюдно заставлял вставать на колени и признавать вину. А может, ты говоришь о том времени, когда ради тебя и горстки чужих людей он сражался со мной, снова и снова вставая на моем пути и вмешиваясь в мои великие замыслы?

Сюэ Мэн горестно покачал головой:

— На самом деле все не так, Мо Жань.

Эй, подумай хорошенько, оставь свою слепую ненависть. Обернись назад.

Когда-то он взялся обучить тебя духовным практикам и искусству боя на мече, а после всегда защищал.

Когда-то он обучил тебя письму, стихосложению и каллиграфии.

Когда-то ради тебя он пытался научиться готовить пищу и поранил руку.

Когда-то он... днем и ночью ждал, когда ты вернешься... он единственный ждал тебя... всю ночь до рассвета...

В конце концов у Сюэ Мэна перехватило дыхание:

— Он... у него довольно тяжелый характер... иногда он слишком резок в словах, но даже я всегда знал, что он хорошо к тебе относился. Почему же ты... так жесток...

Слезы подступили к горлу, и Сюэ Мэн запрокинул голову, пытаясь остановить их. Он больше не мог говорить.

Пауза длилась довольно долго. Наконец до его ушей донесся тяжелый вздох и тихий шепот:

— Да, так и есть... Но, Сюэ Мэн, знаешь что? — голос Мо Жаня звучал очень устало. — Когда-то он погубил того единственного человека, которого я любил. Единственного из всех.

Между ними воцарилась мертвая тишина.

В желудке Мо Жаня в этот момент бушевало пламя преисподней, боль разрывала его органы на тысячи кусков, перетирая в мелкую пыль.

— Уже не важно, насколько хорошими или плохими были наши отношения учителя и ученика. Я положил его мертвое тело на горе Наньфэн в Павильоне Алого Лотоса. Учитель лежит там среди лотосов. Сохранился так хорошо, что кажется, он просто спит, — Мо Жань задержал дыхание, пытаясь сохранять спокойствие. Он сказал все эти слова с каменным выражением лица, но пальцы, вцепившиеся в подлокотник из сандалового дерева, побледнели до синевы. — Моя духовная сила все это время поддерживала его труп в нетленном состоянии. Если ты хочешь увидеть его, иди к нему сейчас, не трать время на разговоры со мной. С пользой используй время, что у тебя осталось, ведь очень скоро я умру.

От тошнотворного привкуса во рту Мо Жань закашлялся. Когда он снова заговорил, на его губах выступила кровь, но взгляд оставался спокойным.

— Уходи уже, — голос его звучал хрипло и надсадно. — Иди, взгляни на него. Если я умру раньше, чем ты доберешься до места, моя духовная сила иссякнет и он обратится в прах.

Он в измождении прикрыл глаза. Яд уже добрался до сердца и теперь жег его каленым железом. Боль была такая, как будто разрывались легкие и сердце. Даже когда Сюэ Мэн, не сдерживаясь более, согнулся от горя и завыл, он слышал его как через толщу воды, словно опустился на самое дно бескрайнего океана.

Алая кровь хлынула изо рта, Мо Жань поспешно прикрылся рукавом, но в этот момент все его тело скрутило судорогой.

Когда он смог открыть глаза, то Сюэ Мэн был довольно далеко. Цингун этого парня был все так же хорош, так что на дорогу до горы Наньфэн много времени не потребуется. В конце концов, Сюэ Мэн должен был взглянуть на своего Учителя в последний раз.

Мо Жань, пошатываясь, встал на ноги. Окровавленными пальцами он начертил в воздухе

заклинание мгновенного перемещения и очутился перед Пагодой Тунтянь.

В этом году поздней осенью яблоня цвела особенно пышно. Ветер разметал опавшие цветы по земле.

Мо Вэйюй сам не понимал, почему так хотел, чтобы его грешная жизнь окончилась именно на этом месте. Однако он чувствовал, что нет смерти лучше, чем уснуть навеки под цветочным дождем, полной грудью вдыхая этот незабываемый чарующий аромат.

Лежа в открытом гробу, Мо Жань смотрел на ночное небо и бесшумно опадающие на землю цветы. Подхваченные ветерком лепестки падали в гроб, нежно гладили кожу его щек. Один за другим цветы проносились мимо и увядали, как память о всем, что случилось с ним в этой жизни.

Он поднялся с самых низов, от незаконнорожденного ублюдка до единственного императора смертного мира. Не счесть его преступлений, не смыть с рук пролитую им кровь. Этого достопочтенного любили и ненавидели, и сам он был подвержен всем страстям и желаниям этого мира, но в конце концов у него ничего не осталось.

В итоге он даже не видел смысла в том, чтобы придумать посмертное имя для своего надгробия. Никакого бесстыдного «единственный император на тысячи лет[24]» или глупых каламбуров вроде «жаренного в масле» или «варенного на пару». Он не написал ровным счетом ничего. В конечном счете на могильном камне первого и единственного императора мира совершенствования не было написано ни одного слова.

[24] 千世独尊 qiāngǔyūdì Цинь Шихуан-ди — единственный император на/за тысячи лет.

Фарс длиною в десять лет наконец подошел к концу.

Несколько часов спустя, подобно огромной огненной змее, толпа людей с зажженными факелами поднялась на вершину. В резиденции императора их встретил совершенно пустой Дворец Ушань. На Пике Сышэн не осталось живых людей, лишь в Павильоне Алого Лотоса Сюэ Мэн безутешно рыдал над горсткой праха.

А в тени Пагоды Тунтянь остывало тело мертвого Мо Вэйюя[].

Автору есть что сказать: ожидание было долгим, но такого вы, пожалуй, не ожидали. Ха-ха-ха!

<http://bllate.org/book/13579/1204839>